

·the big book·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

БЕН КЕЙН

ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
К 33

Ben Kane
THE FORGOTTEN LEGION
Copyright © Ben Kane, 2008
First published as THE FORGOTTEN LEGION in 2008
by Preface, an imprint of Cornerstone.
Cornerstone is part of the Penguin Random House group of companies.
All rights reserved

Перевод с английского Андрея Гришина
Оформление обложки Егора Саламашенко
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса
Карты выполнены Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-20411-9

© А. В. Гришин, перевод, 2008
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

К. В. и Р. Ф. Г. с благодарностью

Красс на Евфрате орлов, и сына, и войско утратил,
И наконец восприял сам он печальную смерть.
«Что ликовать вам, парфяне? — сказала богиня. — Знамена
Вы нам вернете, и Красс Цезарем будет отмщен!»

Овидий. Фасты
(Перевод Ф. Петровского)

Плиний Старший рассказывает в «Естественной истории», что римляне, уцелевших после битвы при Каррах в 53 г. до н. э., отправили в Маргиану.

Эти земли, располагавшиеся на территории современного Туркменистана, отстоят на полторы с лишним тысячи миль от места, где этих людей взяли в плен. За всю историю Рима мало кто из его граждан забирался так далеко на восток, как эти десять тысяч легионеров, присланных охранять границу империи.

Но их история на этом не заканчивается.

В 36 г. до н. э. китайский историк Бань Гу писал, что пехотинцы войска Чжичжи, хуннского князя, владельца крепости на Великом шелковом пути (современный г. Тараз в Казахстане), сражались строем, «подобным рыбьей чешуе». В китайской литературе этот термин больше не встречается; многие историки склоняются к мнению, что он обозначает стену щитов. В те времена такую тактику использовали только римляне и македонцы. Однако из-под власти наследников Александра Великого, Селевкидов, эти земли ушли более чем за сто лет до описываемых событий. Интересно также, что эта битва состоялась спустя всего 17 лет после сражения при Каррах и менее чем за пятьсот миль от границ Маргианы.

Восточнее, в Китае, расположено современное поселение Личан. Происхождение его названия точно не установлено, но ученые считают, что оно было основано между 79 г. до н. э. и 5 г. н. э. под названием Ли-чжень, означающим на древнекитайском языке «Рим». Необыкновенно большое количество его теперешних

ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН

жителей имеют типично европейскую внешность — светлые волосы, носы с горбинкой и зеленые глаза. В настоящее время в местном университете идет изучение проб ДНК, которое поможет установить, являются ли эти люди потомками десяти тысяч римлян, двинувшихся в свое время от Карр на восток и дальше — в историю.

Воинов забытого легиона.

ПРОЛОГ

Рим, 70 г. до н. э.

Шел гора ундецима — одиннадцатый час, — и широко раскинувшийся город утопал в алом свете заката. Легкий бриз всколыхнул воздух меж тесно прижавшимися друг к другу зданиями, принося облегчение жителям, страдавшим от душной летней жары. Люди вышли из домов и квартир, чтобы, закончив дневные дела, поболтать возле лавок или выпить стоя в открытых уличных тавернах. Торговцы, пронзительно крича наперебой, зазывали прохожих, у порогов под бдительными взглядами матерей играли дети. Откуда-то из центра, от Форума, доносились ритмичные звуки храмового пения.

Это был мирный, спокойный час, но в переулках и маленьких двориках тени уже удлиннились. Высокие каменные колонны и статуи богов закрывали и рассеивали свет солнца, отчего улицы постепенно обретали серый, а затем и темно-серый цвет, утрачивая дневное дружелюбие. Дольше всех купались в лучах заката семь холмов, образующих сердце Рима, а потом на столу опускалась тьма.

Несмотря на время, Римский форум был заполнен народом. На расположенной между храмами и Сенатом базилике — гигантском крытом рынке — толпились лавочники, прорицатели, юристы и писцы, предлагавшие свои товары или услуги. Было уже поздно, но все равно кто-нибудь желал написать завещание, узнать свою судьбу, вчинить врагу судебный иск. Расхаживали разносчики, пытаясь продать фруктовый сок, уже давно нагретый на жаре. Политики, допоздна засидевшиеся в Сенате, спешили наружу, неохотно останавливаясь и вступая в разговор, только если ускользнуть от назойливого собеседника было вовсе невозможно. Рабы, увлеченные играми на расчерченных для этой цели ступенях, завидев своих хозяев, поспешно

вскакивали на ноги. Страшась ударов кнута по обожженным на солнце плечам и спинам, они подхватывали носилки и уносили их прочь.

На ступенях храма осталась лишь горстка нищих, привыкших ко всему и никогда не терявших надежды на подавание. Среди них были увечные, но не утратившие гордости ветераны легионов — непобедимой армии, принесшей республике богатство и всемирную славу. Они донашивали остатки форменной одежды — кольчуги, в которых ржавчины было уже больше, чем железа, и коричневые военные туники, не разваливавшиеся на клочки лишь благодаря множеству заплат. За медную монетку они могли развлечь вас военными рассказами о пролитой крови, отрубленных руках и ногах, друзьях, похороненных в чужой земле.

Все во славу Рима.

На Бычьем форуме, где, несмотря на быстро спускающуюся темноту, все еще торговали скотом, тоже кипела жизнь. Нераспроданные животные ревели от жажды и духоты; овцы и козы, напуганные запахом крови из близлежащей мясной лавки, сбивались в кучи. Их хозяева — небогатые окрестные крестьяне — готовились отогнать животных на ночной выпас за городские стены.

Признаков надвигающейся ночи не замечали и на Овощном форуме — вокруг прилавков со снедью толкались покупатели, аромат свежих дынь, слив и персиков смешивался с запахом восточных пряностей, свежей рыбы и не раскупленного за день хлеба. Пытаясь распродать фрукты и овощи, торговцы предлагали скидку каждому, с кем встречались взглядом. Болтали между собой плебейки, закончившие делать покупки и спешившие в храм, чтобы вознести короткую молитву. Рабы, посланные за продуктами для организованного в последнюю минуту пиришества, ворчали в спускавшихся сумерках.

Но те, кого ночь застигла вдали от этих многолюдных мест, спешили поскорее укрыться за надежными стенами своих домов. Ни один здравомыслящий римлянин не хотел оказаться на улице после захода солнца, особенно в мрачных переулках, разделявших инсуле — тесные многоквартирные дома, где обитало большинство граждан. Темные ночные улицы населяли лишь воры и убийцы.

ГЛАВА I

ТАРКВИНИЙ

Северная Италия, 70 г. до н. э.

Ворон вспрыгнул на голову дохлого ягненка и уставился на Тарквиния. Птицу и человека разделяли добрых пятьдесят шагов. Ворон насмешливо каркнул и ударил мощным клювом в открытый глаз. Ягненок пал не более трех дней назад, но горные волки успели почти дочиستا обглодать хрупкие кости.

Тарквиний наклонился, поднял камушек и вложил его в пращу. Худой и светловолосый, он носил свободную тунику до середины бедер, перехваченную на талии, и был обут в крепкие сандалии.

— Пожалей птицу. Не он же зарезал ягненка. — Олиний Эзар снял поношенную кожаную шапку и расправил примявшийся верх. — Ворон лишь доедает остатки.

— Не нравится мне, что он глаза клюет. — Готовясь метнуть камень, Тарквиний начал медленно раскручивать кожаный ремень.

Олиний молчал. Прикрыв рукой глаза от солнца, он долго разглядывал облака и канюка, парившего на раскинутых крыльях в потоках теплого воздуха. Держа камень в руке, Тарквиний терпеливо наблюдал за стариком. С тех пор как несколько лет назад прорицатель взял его в ученики, молодой этруск научился обращать внимание на все, что тот говорил и делал.

Наконец Олиний пожал костлявыми плечами под грубым шерстяным плащом:

— Сегодня не самый лучший день для убийства священной птицы.

— Почему же? Что нынче за день? — Тарквиний со вздохом опустил пращу.

— Валяй, мальчик. — Улыбка Олиния привела Тарквиния в бешенство. — Поступай как знаешь. — Он указал рукой в сторону ворона. — Это твой путь, и только твой.

— Я не мальчик. — Тарквиний нахмурился и выкинул камушек. — Мне двадцать пять!

Он нахмурился было, затем пронзительно свистнул и взмахнул рукой. Лежавший рядом с ним черно-белый пес сорвался с места и, описывая широкую дугу, побежал вверх по крутому склону в сторону кучки овец и коз, щипавших в отдалении короткую траву. Животные заметили его и стали взбираться еще выше по склону.

Ворон закончил трапезу и сорвался с места, громко хлопая крыльями.

Тарквиний злобно проводил его глазами:

— Вот проклятая птица! Почему ее нельзя убить?

— Под нашими ногами то, что осталось от храма Тинии — могущественнейшего из наших богов... — Для пущего эффекта Олиний сделал паузу.

Тарквиний глянул под ноги и заметил красную глиняную плитку, выступавшую из земли.

— И канюков над нами ровно двенадцать.

Глаза Тарквиния обшарили небо, пересчитывая птиц.

— Почему ты всегда говоришь загадками?

Олиний постучал по расколотой плите своим литуусом — коротким посохом, загнутым на конце.

— Сегодня такое случается уже не впервые.

— Я знаю, что двенадцать для нашего народа — священное число, — сказал Тарквиний, глядя на пса, послушно сгонявшее стадо в их сторону, — но при чем здесь ворон?

— За это утро ягненок был двенадцатым.

Тарквиний быстро подсчитал в уме.

— Но ведь про того, что в канаве, я тебе не говорил, — удивленно заметил он.

— И ворону захотелось поесть как раз на том месте, где раньше приносились жертвы, — загадочно добавил гаруспик¹. — Лучше оставить его в покое, не находишь?

¹ *Гарустик* — в Этрурии и Древнем Риме жрец, гадавший по внутренностям жертвенных животных и толковавший явления природы.

Тарквиний помрачнел, расстроенный тем, что не смог первым заметить канюков и связать их количество с этим местом. Он был слишком занят мыслями о волках, убивавших скотину.

Пора было идти на охоту, завалить нескольких из них. Руф Целий, его строгий и очень вспыльчивый хозяин, терпел эти экскурсии лишь потому, что мог потом расспросить Тарквиния об Олинии и своих стадах. Вряд ли аристократа обрадовало бы известие о продолжающихся потерях скота, и Тарквиний страшился возвращения в латифундию — огромное поместье Целия, обосновавшееся у подножия горы.

— Как ты узнал про ягненка в канаве?

— Чему я столько лет учил тебя? Все замечать! — Олиний повернулся и обвел взглядом то, чего здесь давно уже не было. — Вон там располагался центр могущественного города Фалерии. До его священной границы, которую Таркун, основатель Этрурии, провел бронзовым плугом, отсюда чуть больше мили. Четыреста лет назад на том месте, где мы стоим, было полным-полно этрусков, живших самой обычной жизнью.

Тарквиний попытался представить себе все, о чем ему так много раз рассказывал гаруспик: величественные здания и храмы, опекаемые девственными весталками, широкие улицы, замощенные плитами застывшей лавы. Он представил орущую толпу, наблюдавшую за кулачным боем, скачками и гладиаторскими боями. Благородных граждан, чествующих венками победителей соревнований и сидящих во главе стола на пирах в больших праздничных залах...

Его взор прояснился. От Фалерий, одной из жемчужин Этрурии, осталось несколько поваленных колонн и несметное множество осколков черепицы. От безвозвратно погибшего города его мысли в который раз обратились к дому. За годы общения с гаруспиком он понял, что история его народа была преисполнена боли.

— Получается, что они и жизнь нашу присвоили? — Тарквиний зло сплюнул. — Римская цивилизация все переняла у этрусков.

— Вплоть до трубных сигналов, возвещающих начало церемоний и боевых маневров, — с кривой улыбкой добавил Олиний. — Они забрали все, но сначала уничтожили нас.

— Шлюхины дети! Кто дал им такое право?

— Так было предопределено небесами, Тарквиний. Ты сам об этом знаешь. — Олиний внимательно посмотрел на молодого человека и перевел взгляд на вид, открывавшийся с горы на юго-восток. Озеро у подножия горы так сверкало, отражая солнечные лучи, что глазам было больно на него смотреть.

— Мы с тобой в остановившемся сердце древней Этрурии, — улыбнулся он. — У наших ног Вадимонское озеро, под нашими ногами — фундаменты священного города.

— Мы едва ли не последние чистокровные этруски на земле, — с горечью сказал Тарквиний.

После того как римляне завоевали их земли, покорили и ассимилировали их народ, лишь немногие этрусские семьи продолжали заключать браки только со своими соплеменниками. Его семья была как раз из таких. И из поколения в поколение древние тайны и ритуалы передавались от одного гаруспика к другому. Олиний был одним из звеньев этой длинной цепи, что протянулась далеко в прошлое — до дней славы и мощи этрусков.

— Такова уж наша судьба — оказаться покоренными, — ответил Олиний. — Не забывай, что на том месте, где много лет тому назад был заложен первый камень в фундаменте храма...

— ...в земле нашли кровотокающую голову.

— Мой предок, Кален Олиний Эзар, истолковал это знамение, предсказав, что один народ будет править всей Италией.

— И ошибся. Посмотри, что от нас теперь осталось! — выкрикнул Тарквиний. — Наша жизнь лишь немногим лучше рабской доли.

Этрусков, обладавших политической мощью или влиянием, практически не осталось, большинство были бедными крестьянами или же, как Тарквиний и его родня, трудились в больших поместьях.

— Кален был лучшим гаруспиком за всю нашу историю. Никто не умел предсказывать по печени так, как он! — Взволнованный Олиний рубанул воздух мозолистой рукой. — Он знал то, что этруски все это время не могли или не хотели понять. Наши города никогда не заключали союзов между собой, и вот Рим поднялся настолько, что разгромил нас поодиночке. И пускай на это потребовалось более ста пятидесяти лет, но предсказание Калена в точности сбылось.

— Он имел в виду тех, кто нас завоевал.

Олиний кивнул.

— Проклятые римляне! — Тарквиний швырнул камень в ту сторону, откуда уже давно улетел ворон.

Он догадывался, что гаруспик восхищается его силой и ловкостью, хотя и не показывает вида. Камень полетел так быстро, что мог бы убить и человека, оказавшегося на его пути.

— С этим даже мне тяжело смириться, — вздохнул Олиний.

— Особенно с тем, как они нами помыкают. — Молодой этруск жадно глотнул воды из кожаного бурдючка и передал его своему учителю. — Далеко отсюда до пещеры?

— Недалеко... — Гаруспик надолго приник к воде. — Но сегодня неподходящий день.

— И ради этого ты тащил меня сюда? Я думал, ты покажешь мне печень и меч.

— Я так и хотел, — мягко ответил Олиний. Он поднялся на ноги и начал спускаться, хмыкая всякий раз, когда опирался на литуус. — Однако знамения на сегодняшний день плохие, и будет лучше, если ты вернешься в латифундию.

Прошло восемь лет с тех пор, как молодой этруск впервые услышал про гладиус — короткий меч Тарквина, последнего этрусского царя в Риме, и про бронзовую печень, одну из тех немногих, с помощью которых предсказатели судьбы обучались своему искусству. Тарквинию до ужаса хотелось увидеть древнюю реликвию. Олиний очень часто упоминал о ней на уроках. Но он знал, что лучше согласиться со старым гаруспиком. Несколько дней не имеют значения. Он поправил мешок на спине и проверил, все ли козы и овцы спустились вниз.

— Мне все равно придется туда подняться. Взять лук и несколько дней выслеживать волков. — Тарквиний попытался придать голосу безразличный тон. — Пусть это серое отродье не считает, что может оставаться безнаказанным.

Олиний лишь хмыкнул в ответ.

Разочарованный, Тарквиний поднял глаза к небу. Не увидеть ему бронзовой печени, пока гаруспик не сочтет, что знамения благоприятны для таких дел. Свистом подозвав собаку, он пошел по узкой тропке вслед за Олинием.

Гаруспика Тарквиний оставил спать в маленькой хижине, находившейся на середине горного склона. Собака свернулась у ног старика. В очаге уютно потрескивали поленья: кости Олиния мерзли даже в ласковую летнюю ночь.

Молодой человек шел хорошо знакомой дорогой мимо обширных полей, оливковых рощ и виноградников, окружавших громадную виллу Целия. Когда он наконец добрался до крепкой известняковой огады, та еще не успела остыть от дневного солнца.

Лачуги рабов и почти столь же простые жалкие домишки, в которых жили наемные работники, располагались позади главных строений. По пути Тарквиний не встретил ни души — работники вставали затемно, ложились после заката, а потому приходили и уходили в густой полутьме.

Тарквиний остановился у входа во дворик, взгляделся во тьму, но так ничего и не увидел.

Тишину тут же нарушил мужской голос:

— Где тебя носило весь день?

— Кто здесь? — прошипел Тарквиний.

— Твое счастье, что надсмотрщик спит. А не то получил бы палок!

Испуг сразу прошел.

— Олиний рассказывал мне о наших предках, отец. Это гораздо важнее, чем ковыряться на полях.

— А смысл? — Из дверного проема показался приземистый полный мужчина, крепко державший обеими руками амфору. — С нами, этрусками, давно все кончено. Мясник Сулла делал все наверняка.

Тарквиний вздохнул. Этот спор продолжался уже давно. Около двух десятков лет назад многие из оставшихся этрусских семей и кланов, почувствовав возможность обрести хоть какой-то шанс на независимость, вступили в гражданскую войну на стороне Мария. Это была авантюра, заранее обреченная на провал, и тысячи людей погибли напрасно.

— Марий проиграл, — прошептал Тарквиний, — и мы тоже, но это не значит, что о нашем прошлом можно забыть.

— Для нас это была последняя возможность возродиться и вернуть былую славу!

— Ты опять пьян.

— По крайней мере, я выполнил всю дневную работу, — огрызнулся в ответ отец, — а ты без толку шатался где-то со старым придурком и слушал его бредовые рассказы.

Тарквиний понизил голос:

— Это не рассказы! Олиний учит меня тайным ритуалам и древним знаниям. Кто-то должен их помнить, иначе мы позабудем все!

— Делай что хочешь. Республику уже не остановить. — Сергей шумно отхлебнул вина. — Ничто не остановит эти сучьи легионы.

— Иди ложись.

— Даже наши боги покинули нас, — пробормотал он.

Тарквиний подтолкнул безвольное тело к маленькому сырому домику. Вино превратило некогда гордого воина в одинокого, замкнутого пьяницу. Всего несколько лет назад отец тайком учил его обращаться с оружием. Теперь Тарквиний владел гладиусом так же искусно, как этрусским боевым топором.

Сергей со стоном повалился на соломенный матрас, который делил с Фульвией, матерью Тарквиния, и тут же захрапел. Молодой человек лег у противоположной стены и прислушался к храпу. Он тревожился за отца: если тот будет и дальше пить так же, то долго не проживет.

Уснуть Тарквинию удалось не скоро, но приснившийся ему сон был очень ярким.

Ему снилось, как Олиний приносил в жертву ягненка в какой-то незнакомой пещере. Старик разрезал животному брюхо, извлек внутренности и начал всматриваться в них. Тарквиний обвел взглядом темную пещеру, но не увидел и следа бронзовой печени или меча, о которых так часто говорил Олиний.

Гаруспик осмотрел кишки, и выражение его лица изменилось. Тарквиний окликнул его, но старик не отозвался. Кажется, учитель не замечал его присутствия; он со страхом смотрел на вход в пещеру.

Было трудно сказать, что именно его пугало. Гаруспик положил темно-красную печень на глыбу базальта и начал внимательно изучать ее. Старик по-прежнему то и дело оглядывался, но казалось, что его страх с каждым разом уменьшался. Про-

шла целая вечность, прежде чем Олиний довольно кивнул, сел на корточки, прижался спиной к стене и стал ждать.

Учитель был доволен, но Тарквиний внезапно ощутил страх, который все усиливался и наконец стал невыносимым.

Он побежал к устью пещеры.

Обведя взглядом склон холма, он увидел Целия, приближавшегося к пещере с десятью легионерами. Лица воинов были суровыми и мрачными, каждый держал в руке меч. Перед ними бежали огромные охотничьи собаки.

— Беги, Олиний! Беги! — крикнул Тарквиний.

Наконец провидец увидел его.

— Бежать? — Он невесело усмехнулся. — Чтобы свернуть себе шею?

— Солдаты хотят тебя убить! Их ведет Целий! Ты должен бежать! Немедленно!

Но во взгляде Олиния не было и тени страха.

— Пришел мой час, Тарквиний. Мне пора присоединиться к предкам. Ты — последний гаруспик.

— Я? — поразился Тарквиний. За все годы учебы ему и в голову не приходило, что в его лице старик готовил себе замену.

Олиний серьезно кивнул.

— Печень и меч?

— Они уже у тебя.

— Неправда! Ничего у меня нет! — Тарквиний отчаянно замахал руками.

Казалось, Олиний снова перестал его слышать. Он встал и пошел к людям, остановившимся у входа в пещеру.

Кто-то схватил Тарквиния за руку. Пещера медленно исчезла, и он очнулся ото сна. Молодому человеку очень хотелось знать, что случилось с Олинием, но он больше ничего не видел. Молодой этрусск рывком сел. Рядом с ним стояла встревоженная мать.

— Тарквиний...

— Все в порядке, — пробормотал Тарквиний, сердце которого бешено колотилось. — Ложись спать, мама. Тебе нужно отдохнуть.

— Меня разбудили твои крики, — укоризненно сказала Фульвия. — Отец тоже проснулся бы, если бы не напился.

У Тарквиния свело живот. Олиний часто предупреждал, что нельзя никому говорить о том, чему его учили.

— Что я говорил?

— Трудно понять. Что-то об Олинии и бронзовой печени. Последней из утраченных много лет назад. — Фульвия нахмурилась. — Значит, старый мошенник наложил лапы на одну из них?

— Ничего такого он не говорил, — успокоил ее Тарквиний. — Возвращайся в постель. Тебе вставать на рассвете.

Он помог Фульвии вернуться обратно, с грустью глядя на ее сутулую спину и поражаясь тому, сколько сил ей пришлось потратить, чтобы лечь на низкую койку. Долгие годы тяжелой работы изуродовали тело матери.

— Мой сильный, умный арун. — Фульвия обращалась к младшему сыну как к священнослужителю. — Тебе суждено величие. Я чувствую это кожей.

— Помолчи... — Тарквиний тревожно оглянулся по сторонам. Целий не любил старинных слов неримского происхождения. — Спи.

Но Фульвия не послушалась.

— Я знала это с тех пор, как увидела твою родинку. Такая же когда-то была у Тархуна. После этого тебя можно было называть только Тарквинием.

Молодой человек невольно потер красную треугольную родинку на шее. Он видел ее лишь изредка — в отражении воды. Но старый гаруспик часто говорил об этом знаке.

— Когда Олиний проявил к тебе интерес, я ничуть не удивилась. Он обучает тебя священным ритуалам, заставляет учиться языкам у чужестранных рабов. — Она напыжилась от гордости. — Я твердила об этом твоему отцу. Когда-то он меня слушал. Но после гибели твоего брата в бою с легионерами Суллы его интересует только одно — удастся ли добыть еще кувшин вина.

Тарквиний с грустью посмотрел на спавшего:

— Когда-то он гордился тем, что был воином расеннов. Так этрусски называли сами себя.

— В глубине души он навсегда останется этрусском, — прошептала мать. — Как и ты.

— У нас еще есть чем гордиться. — Он поцеловал Фульвию в лоб. Мать улыбнулась и закрыла усталые глаза.

«Мать, искусство гаруспиции еще живо. Этрусков не забудут», — подумал Тарквиний, но не произнес этого вслух.

Сергий ничего бы никому не сказал, но Фульвия любила посплетничать. Было жизненно важно, чтобы Целий не узнал о визитах Тарквиния к Олинию.

Тарквиний вернулся в постель. Лишь когда небо начало светлеть, он наконец уснул.

В последующие дни у него не было возможности ни приняться за борьбу с волками, ни навестить Олиния. Приближалась уборка урожая, самое жаркое время года. Нагрузка на рабов и издольщиков, вроде семьи Тарквиния, увеличилась вчетверо.

Руф Целий вернулся из Рима с важным поручением.

Большинство считало, что в эту поездку он отправился, чтобы добыть денег для подкрепления своего пошатнувшегося материального положения. Этот рыжий был типичным представителем римской аристократии, хорошо разбиравшейся в военном деле, но мало смыслившей в экономике. Десять лет назад, когда цена на зерно стала быстро снижаться из-за ввоза большого количества пшеницы с Сицилии и из Египта, Целий упустил время. Пока те из соседей, кто оказался попредприимчивей, переходили на выращивание в своих латифундиях более выгодных винограда и оливок, упрямый отставной штабист продолжал цепляться за пшеницу. Не прошло и десяти лет, как некогда процветавшее имение оказалось на краю пропасти.

Вскоре из-за дешевизны привозного зерна по всей Италии разорились тысячи мелких фермеров (к которым принадлежала и семья Тарквиния). Крупные землевладельцы воспользовались этим, чтобы расширить свои имения. Недостаток рабочих рук стали возмещать за счет использования тысяч рабов — важнейших трофеев всех римских завоеваний.

Поскольку Сергей и его родные были гражданами Рима, им повезло: Целий заключил с ними контракт. За работу им платили гроши, но все же платили. Другим повезло меньше: рабы вытеснили голодавших крестьян в неизмеримо разросшиеся го-

рода. В результате потребовалась пшеница для конгиариев — бесплатной раздачи зерна бедным.

Если Целий действительно ездил в столицу за займом, то он явно преуспел. Теперь владелец латифундии, каждое утро дававший задание рабам и работникам на заднем дворе своего дома, неизменно пребывал в хорошем настроении. Тарквиния отправляли на уборку урожая, как случалось каждое лето уже восемь лет, которые семья Сергия прожила в имении Руфа.

За неделю с небольшим требовалось убрать урожай с огромных полей, засеянных овсом и пшеницей. Задача была тяжелая, работать приходилось от рассвета до заката. Спина Тарквиния приобрела цвет черного дерева, а длинные светлые волосы — к удовольствию некоторых рабынь — выгорели добела. Волосы хорошо закрывали родинку на шее.

Фульвия была слишком слаба для физической работы, а потому вместе с другими пожилыми женщинами привозила на поля еду и питье. Раньше Целий пытался заставлять мужчин работать весь день без перерыва, но два года назад выдалось очень жаркое лето, и многие теряли сознание от обезвоживания. Один даже умер. После этого землевладелец понял, что короткий дневной перерыв выгоднее потери рабочих рук.

Четвертый день выдался очень знойным. Когда вскоре после полудня Фульвия привезла воду, хлеб и овощи, ее встретили восторженными криками. Она поставила запряженную мулом тележку в тени дерева, и вокруг тут же собралась толпа.

— Я привезла кусок сыра, — прошептала Фульвия сыну, хлопав по лежавшему рядом с ней свертку в тряпке.

Тарквиний понимающе подмигнул.

На работниках были только набедренные повязки и сандалии, серпы с короткими рукоятками заткнуты за выданные Целием кожаные пояса. Ноги рабов, чтобы они не пытались бежать, сковывали тяжелые железные цепи. Рабы всех крупных землевладельцев — в том числе и Целия — были уроженцами Средиземноморья. Иудеи, испанцы и греки трудились бок о бок с нубийцами и египтянами. Изголодавшимся людям было не до разговоров. Вскоре корзины с едой опустели; воробьям, с надеждой шнырявшим в пыли, крошек почти не осталось.

Греческий раб Маврос грустно доел остатки хлеба.

— Сейчас я все бы отдал за кусок мяса! Может быть, мы что-нибудь получим на виналию рустику¹.

— Как же, дождешься от Целия! Тем более сейчас, когда у него трудности с деньгами! — фыркнул надсмотрщик Декстер, коренастый отставной легионер с юга. — А вот Олиний ест вдоволь.

Все с любопытством посмотрели на Тарквиния: его посещения старика секретом не были.

— Держу пари, что этот колдун все время кормит его ягнятиной! — сказал один.

— Так вот почему ты туда ходишь? — На смуглом лице Мавроса отразилась зависть.

— Не потому. А чтобы не слышать твоего нытья.

Громкий многоголосый хохот вспугнул целую стаю птиц.

Надсмотрщик посмотрел на Тарквиния странным взглядом.

— Ты очень подолгу торчишь на горе. Что тебя туда тянет?

— Он убегает туда от этой проклятой жары! — ответил толстый раб Сулин.

Все дружно кивнули. Жара стояла невыносимая. Несрезанные колосья раскачивались, поджариваясь на солнце.

Тарквиний молчал, прислушиваясь к звону цикад.

— Так что? — Декстер рассеянно потер старый шрам.

— Что «что»? — притворился непонятливым Тарквиний. Внезапный интерес десятника встревожил его.

— Этот чокнутый колдун действительно каждый день ест мясо?

— Только если находит мертвого ягненка или козленка. — У Тарквиния потекли слюнки. Он много раз ел с Олинием жареное мясо. — Разве хозяин допустил бы что-то иное?

— Хозяин! — презрительно отмахнулся Декстер. — Целий понятия не имеет, сколько у него овец и коз. Он считает, что десять ярок дают восемь ягнят в год.

— Разве это приплод? — насмешливо спросил Маврос.

— Кроме Олиния, никто не будет пасти стадо на вершине. — Сулин сделал знак против нечистой силы. — Вокруг этих мертвых городов бродит слишком много духов и диких зверей.

¹ *Виналия рустика* — праздник вина, отмечавшийся ежегодно 22 апреля и 19 августа. В это время в жертву Юпитеру приносили молодое вино.

В глазах мужчин вспыхнул страх.

Ряды гробниц на кладбищах у руин Фалерий напоминали об истории этой местности, и мало кто из обитателей латифундии дерзал подходить к ним близко даже днем. Гора славилась своими грозами, стаями волков и ураганными ветрами; считалось, что в этом месте еще обитают этрусские боги.

— Именно поэтому Целий его и держит. — Тарквиний хотел сменить тему, кошмарный сон еще не изгладился из его памяти. — Этот участок почти закончен, — сказал он, показав на поле. — Мы могли бы заскирдовать его до заката.

Декстер удивился. Обычно после перерыва людей можно было заставить приняться за работу только с помощью угроз. Он выпил еще одну чашу воды.

— За работу, парни. Не заставляйте меня обращаться к подружке! — прорычал он, ткнув пальцем в плетку, висевшую на его поясе.

Работники поплелись по стерне, бросая на Тарквиния злобные взгляды. Но никто не посмел сопротивляться железной воле надсмотрщика. И его плетке. Декстера наняли, чтобы держать работников в узде, и он делал это рьяно.

Фульвия дождалась, когда остальные ушли подальше, а потом со смущенной улыбкой отдала сыну сверток.

— Спасибо, мама. — Он поцеловал ее в лоб.

— Да благословят тебя боги! — гордо ответила Фульвия.

— Декстер... — Как только мать повернула повозку, Тарквиний заторопился к тучному надсмотрщику. — Хочешь козьего сыра?

— Покажи-ка! — Декстер алчно протянул руки, попробовал кусочек и улыбнулся. — Передай Фульвии спасибо. Где она его взяла?

— Видать, знает, где взять. — Всем было известно, что те, кто работает на кухне, могут раздобыть такую еду, о которой другим остается только мечтать. — Я рассчитывал...

— Пораньше уйти с поля? — Декстер грубо захохотал. — Для этого куска сыра маловато! Если Целий увидит, что ты опять бездельничаешь, он мне яйца оторвет!

— Дело не в этом. — Тарквиний рисковал отведать плетки за дерзость, но выражение лица Декстера его встревожило. —

Я надеялся, что ты расскажешь мне, не замышляет ли чего хозяин. Против Олиния.

Декстер прищурился.

Гаруспик давно жил на окраине имения; его терпели только благодаря тому, что он хорошо умел обращаться с животными и вел замкнутый образ жизни. Целию, как и большинству римлян, не нравились те, кто придерживался древних этрусских обычаев; Декстер мало уступал в подозрительности своему хозяину.

Тарквиний понял: надсмотрщик что-то знал.

Несколько мгновений оба молчали.

— Если принесешь мне мяса, я подумаю, — ответил наконец Декстер. — А теперь иди работать.

Тарквиний подчинился. Как только пшеница будет уложена в стога, он предложит поохотиться на волков. Целий знает, что этим летом хищники зарезали на склонах горы каждое десятое животное. Может быть, ради этого он освободит Тарквиния от работ в оливковой роще и на винограднике.

К тому же на вершине горы можно будет убить для Декстера ягненка. Конечно, никакой гарантии, что надсмотрщик выполнит обещание, не было, но как иначе узнать, что замышляет Целий? За долгие годы учебы у Тарквиния развилась интуиция. Сначала кошмарный сон, потом расспросы Декстера... Против гаруспика явно что-то замышляли.

— Веселее! — Декстер щелкнул плеткой. — Ты сам захотел пораньше вернуться к работе.

Тарквиний сжал левой рукой пучок колосьев, наклонился, срезал их серпом у самой земли, бросил пучок за спину и взялся за следующий. Люди справа и слева повторяли те же ритмичные движения, неуклонно продвигаясь вперед. Этрусски убирали здесь урожай сотни лет, знание этого успокаивало Тарквиния. Он работал, представляя себе, как это делали его предки еще до прихода римлян.

Кейн Б.

К 33 Забытый легион : роман / Бен Кейн ; пер. с англ. А. Гришина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 544 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-20411-9

Ромул и Фабиола — близнецы, родившиеся в рабстве, и с детства им предначертана незавидная судьба. В тринадцать лет хозяин продает Ромула в школу гладиаторов, Фабиолу же — в Лупанарий, публичный дом, где она попадет на глаза одному из самых влиятельных мужчин Рима.

Тарквиний — этрусский воин и прорицатель, враг Рима, волею судеб обреченный сражаться за Республику в Забытом легионе. Бренн — галл, семью которого убили римляне. Движимый ненавистью, не сломленный, он становится одним из самых грозных и непобедимых гладиаторов своего времени — и наставником мальчика-раба Ромула, который день и ночь мечтает лишь о побеге и мести.

Жизни этих четверых тесно сплетаются в эпическом романе Бена Кейна «Забытый легион», первом из одноименной трилогии, захватывающем события, которые начинаются в Древнем Риме периода Республики, раздираемом коррупцией, насилием и политикой, и приводят героев к самым дальним рубежам известного мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

БЕН КЕЙН
ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Верстка Екатерины Киселевой
Корректор Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.12.2021. Формат издания 60 × 90¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

V-BBH-29262-01-R